

АНЕКДОТЫ

ПОДВИГОВЪ БОЕВОЙ ЖИЗНИ РУССКИХЪ ВОИНОВЪ

И

ЧУВСТВЪ ПРАВОСЛАВНЫХЪ ГРАЖДАНЪ,

ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ СЪ ТУРКО-АНГЛО-ФРАНЦУЗАМИ СЪ ТОВАРИЩИ.

ИЗДАНІЕ НАРОДНОЕ

І. Стіенбера.

КНИЖКА ПЕРВАЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1855.

АНЕКДОТЫ

ПОДВИГОВЪ БОЕВОЙ ЖИЗНИ РУССКИХЪ ВОИНОВЪ

И

ЧУВСТВЪ ПРАВОСЛАВНЫХЪ ГРАЖДАНЪ,

ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ СЪ ТУРКО-АНГЛО-ФРАНЦУЗАМИ СЪ ТОВАРИЩИ.

ИЗДАНІЕ НАРОДНОЕ

Г. Стиенбера.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 21 Октября 1855 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

РУССКАЯ ПОЛИТИКА.

«Отстоитъ Царя Россія!
Отстоитъ Россію Царь!»

Трактиръ, гдѣ подслушаны, описываемые ниже, русскіе толки о политикѣ, разумѣется, современной и военной, можно назвать любимымъ сборищемъ простонародья.

Тутъ все умно и ловко устроено, все дешево и мило; но главное — все приправлено привѣтливостью хозяина, — магнитъ, который для добраго русскаго сердца дороже денегъ. Оттого-то вы найдете здѣсь и кафтанъ, и умъ, и сердце — все на-распашку. Притомъ превосходная машина-органъ почти у самаго уха гудитъ: «Во пиру была, во бесѣдушкѣ...» Чего же больше! наслажденіе полное. Подумаешь, какъ немного нужно человѣку, который въ простотѣ души ищетъ скромныхъ удовольствій жизни!

Представьте огромный залъ и множество столиковъ, уставленныхъ чайниками и.... но это уже избитая, всѣмъ знакомая картина. За однимъ изъ этихъ столиковъ сидятъ два мужичка — сѣдой старикъ и парень лѣтъ двадцати-пяти, и отставной солдатъ (должно быть ихъ землякъ), безъ правой ноги, съ знаками отличій на груди, — человѣкъ, по видимому, тертый, бывалый, грамотный какъ фельдфебель. Солдатъ читаетъ газету, тѣ слушаютъ.

Какъ водится, изъ чтенія вышли разговоры, потомъ противорѣчія, потомъ споръ. Не сошлись въ мнѣніи, кто больше нехристъ: бусурманъ-Турокъ, или вѣроотступники Англичане да Французы, которые, называясь Христіанами,

ведутъ войну въ пользу поклонниковъ лжепророка, вѣчныхъ враговъ и гонителей исповѣдающихъ истиннаго Бога.

Далѣе пошла политика. Теперь мы всѣ толкуемъ, судимъ о политикѣ; но благодареніе Господу, наши толки и сужденія — свои русскія, полныя любви къ Царю и святой родинѣ. Не переучить, не передѣлать насъ этимъ заморскимъ гаерамъ.

Выводя пальцами по столу разныя линіи между чайною посудой, блюдечками, ложечками и проч., разставленными для опредѣленія мѣстности и военныхъ событій, компанія стала разсуждать о Севастополѣ. Не сошлись и тутъ.

— Не тамъ, совсѣмъ не тамъ, возражаетъ солдатъ, а вотъ гдѣ стоитъ непріятель (и пальцемъ указалъ на чайникъ). Ужъ и не спорь, Федотычъ. Я, братецъ ты мой, строго смотрю за политичными дѣлами: попадись какая ни-на-есть газета — отъ начала до конца пройду; что нужно, знаешь, по-интереснѣе — выпишу, наизусть выучу, не пропущу даже прочесть о погодѣ.

— А погода-то на что? замѣтилъ старикъ.

— Та же, любезный, политика. Вишь, супостаты только и живутъ тепломъ; а чуть дождь, снѣгъ, или хватитъ этакъ — нашъ родной морозецъ, — и попрятались въ норы и замерзли какъ мухи. Тогда ихъ на свѣтъ Божій и калачемъ не выманишь. Холодно, да и только.

— Чудный, право, народецъ! Вздумалъ воевать съ Русскими, а боится и мороза русскаго. Да тутъ-то, на морозѣ, у насъ и кровь горитъ, и старикъ молодцомъ смотритъ.

— Да развѣ это народъ? — просто сбродъ съ міра по ниткѣ. Ты посуди только: одинъ смотритъ на войну по-турецки, другой — по-англійски, третій — по-французски, т. е. смѣкаешь, каждый косоглазитъ по своему, да еще наемниковъ, какихъ-нибудь бродягъ, вербуютъ. Какой ужъ тутъ солдатъ будетъ! А возни-то сколько съ ними, съ этими солдатами, возни! Этотъ, примѣромъ, свинаго сала не ѣстъ, вина не пьетъ, — дай ему баранину да кофе; тотъ воды не пьетъ, варева, даже щей не любитъ, — дай ветчину да пуншъ; а третій, на оборотъ, безъ супа и чая да вина и

жить не можетъ. И все, знаешь, подавай имъ по-господски — на тарелкахъ и съ разными другими причудами. Придетъ ночь, — дай, слышь, фланелевое одѣяло, и...

— Перестань, служба, перебиваетъ парень: мочи нѣтъ и слушать. Да это не солдатъ, а баба. У насъ и на крестинахъ не бываетъ такихъ нѣжностей, хоть бы самъ староста былъ кумомъ.

— А по ихнему, продолжаетъ солдатъ, какъ теперь помню, — читалъ: это еще «самое лучшее войско, цвѣты ихъ армій, какихъ никогда у нихъ и не было.»

— Хорошо войско! отозвался старикъ. Ну, а какъ эти заморскіе цвѣтки да завянутъ на русской почвѣ, — тогда что останется у хвастуновъ дома? дрянь, стало-быть, съ которою и марать рукъ не стоитъ.

— И завянутъ, таки, пропадутъ, згинутъ, — энергически сказалъ солдатъ, постукивая честной деревяшкой. Теперь, покамѣсть, ничего, живетъ: поколачиваемъ врага понемногу, да моримъ холодомъ и голодомъ; авось образумится. Но коли, того, пойдетъ наперекоръ, — шапками закидаемъ, помеломъ смѣтемъ окаянныхъ!... Читалъ ты, старина, Манифестъ Отца-Государя?

— Какъ же, какъ же, Савельичъ! сто разъ слышалъ. И хоть неграмотный, а заучилъ сердцемъ, какъ молитву.

«Дѣтки!» говоритъ родной нашъ кормилецъ — благослови его Господи! — «буде нужно, мы всѣ, Царь и подданные, станемъ передъ рядами враговъ, на защиту драгоцѣннѣйшаго въ мірѣ блага: безопасности и чести Отечества.»

— Кто-жъ не откликнется на святой призывъ? Да, я первый, хоть и безъ ноги (покойница въ Австріи осталась), съ двумя ранами въ груди, а пойду — не въ строевую, конечно, а хоть въ инвалидную. Не гожусь для дѣла, — замѣню годнаго.

— А я-то что-жъ! вскричалъ парень, засверкавъ глазами и встряхнувъ молодецкими кудрями. На печи, что-ли буду лежать, когда заговорятъ міромъ о погибели нехриста? самъ пойду въ огонь, насильно пойду — выпрошу, вымолю.

— Спасибо, сынокъ, сказалъ мужичекъ-старикъ. Порадовалъ — весь въ отца. Только ты пойдешь не одинъ, а со мною, да и остальнаго братишку твоего, Фильку, возьмемъ съ собой. Старуха мать съ радостію благословитъ: вѣдь она Русская.

— Дѣльно сказано, друзья мои! заключилъ солдатъ. Ваши слова повторятъ и исполнятъ милліоны — вся матушка Русь. Нѣтъ, враги все еще худо знаютъ насъ: они, вѣрно, еще не раскусили нашъ святой завѣтъ, который въ крови у всѣхъ — отъ мала до велика: «ляжемъ ту костьми, но не посрамимъ земли русскія.» Такъ-ли, братцы?

— Аминь! сказалъ старикъ, всталъ и благоговѣйно перекрестился. За нимъ повторили тоже остальные, и поцѣловавшись, въ знакъ единомыслія, вѣчно и одинаково живущаго въ сердцѣ русскихъ, когда дѣло идетъ о Царѣ и родинѣ, — вышли.

Я. Исаревъ.

Одесса, 21 Января 1855 г. (*Р. И.*)

Частные подвиги чиновъ, бывшихъ въ Журжинскомъ отрядѣ, во-время войны съ Турками въ 1854 году.

Колыванскаго Егерскаго полка.

25-го іюня, 11-я Егерская рота, находившаяся долго въ цѣпи, разстрѣляла почти всѣ свои патроны; рядовой этой роты жаловался унтеръ-офицеру *Качалову*, что нечѣмъ стрѣлять.

«Эхъ! ребята,» — отвѣчалъ Качаловъ, «да развѣ вы забыли, что пуля дура, а штыкъ молодецъ — впередъ! пойдемъ штыкомъ работать!...» При этихъ словахъ Качаловъ, съ крикомъ «ура!», кинулся впередъ. Двадцать два человѣка Егерей дружно ударили въ штыки на 45 человѣкъ Турокъ, засѣвшихъ въ камышахъ.

Непріятель, оставивъ 14 тѣлъ на мѣстѣ, бѣжалъ.

25-го іюня, въ дѣлѣ подъ Журжею, 3-й баталіонъ Колыванскаго Егерскаго полка, построенный въ ротныя колонны, былъ направленъ для взятія окоповъ, занятыхъ Турками. Егеря, достигнувъ баттареи, съ крикомъ «ура!» бросились въ штыки. Турки, засѣвшіе во рву, амбразурахъ и на брустверѣ производили сильный огонь.

Командиръ 3-й карабинерной роты, прибѣжавъ съ Егерями къ баттареѣ, хотѣлъ взглянуть въ амбразуру; замѣтивъ это движеніе, Карабинеръ Никифоръ *Андреевъ*, схвативъ его за руку, вскричалъ: «Повремените немного, Ваше Благородіе, дайте сперва прочистить окно, а то ничего не видать; красноголовые закрываютъ!»

Никифоръ Андреевъ бросился въ амбразуру, выстрѣломъ положилъ одного и закололъ штыкомъ другаго Турка; но въ это время былъ раненъ въ ногу и упалъ въ ровъ. Когда раненаго несли на перевязку, онъ смѣялся надъ Турками: «Хороши красноголовые! въ трехъ шагахъ цѣлилъ мнѣ въ грудь, а попалъ въ ногу; куда имъ воевать и стрѣлять-то не умѣютъ!»

25-го іюня, когда Турки были выбиты изъ баттареи на остр. Радоманѣ, и бросились бѣжать вдоль Дуная, преслѣдуемые нашими Егерями, унтеръ-офицеръ *Степанчукъ*, находившійся въ головѣ колонны, былъ пораженъ двумя пулями и упалъ; нѣсколько человѣкъ подбѣжали къ нему съ тѣмъ, чтобы перенести его на перевязочный пунктъ. «Оставьте, братцы, меня здѣсь пока», говорилъ раненый: «когда переколите всѣхъ бусурманъ, то пожалуй—отнесите!»

Въ началѣ дѣла 25-го іюня, фельдфебель 10-й Егерской роты Григорій *Матвѣевъ* былъ раненъ въ руку; сдѣлавъ самъ себѣ перевязку, онъ во все время оставался при ротѣ; вмѣстѣ съ нею переправился чрезъ рукавъ Дуная, и ободряя солдатъ во-время атаки баттареи — одинъ изъ первыхъ былъ на валу.

3-й Карабинерной роты рядовой Федотъ *Куринскій* въ хору пѣсенниковъ плясалъ всегда съ бубномъ.

25-го іюня, въ дѣлѣ подъ Журжею, Федотъ Куринскій, находясь въ стрѣлкахъ, былъ раненъ въ руку.

— «Проклятый Турокъ запретилъ играть на бубнѣ,» сказалъ смѣясь раненый: «отомстите, братцы, за меня; а я раздѣлаюсь съ нимъ послѣ!»

Въ дѣлѣ 25-го іюня, 8-я Егерская рота, находясь продолжительное время въ цѣпи, разстрѣляла патроны; данъ былъ сигналъ смѣнить цѣпь. — Въ то время, когда одна цѣпь проходила другую, командиръ 8-й роты, находившійся на флангѣ, былъ раненъ въ ногу и упалъ. — Замѣтивъ это, нѣсколько Турокъ окружили раненнаго.

Фельдфебель *Богдановъ*, унтеръ-офицеръ *Степановъ* и рядовой *Моцарскій* бросились на выручку своего начальника и несмотря на числительное превосходство Турокъ, храбрые Егеря пробились къ раненному штабсъ-капитану и вырвали его изъ рукъ непріятеля.

Изъ трехъ молодцовъ уцѣлѣлъ одинъ фельдфебель, который, отбиваясь отъ Турокъ, донесъ своего ротнаго командира до цѣпи; рядовой Моцарскій былъ заколотъ, а унтеръ-офицеръ Степановъ тяжело раненъ.

(*Р. И.*)

Цѣна **10** *коп. сер.*